

УДК 811.1/8

DOI: 10.17223/19986645/44/5

И.В. Тубалова

ИНОДИСКУРСИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ФОРМЫ В ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОМ ДИАЛЕКТНОМ ТЕКСТЕ¹

В статье рассматривается функциональная специфика речевых форм институциональных дискурсов в повседневном дискурсе диалектоносителя, обусловленная особенностями социально-речевой культуры автора текста. Исследуется, каким образом модусные смыслы, заданные на основании базовой интенции и ценностной позиции институциональных дискурсов, сохраняются, нейтрализуются или трансформируются в повседневной речевой сфере диалектоносителя как субъекта особого социально-речевого типа, характеризующегося особенностями речевого опыта и принципов его реализации.

Ключевые слова: институциональный дискурс, личностно-ориентированный дискурс, социально-речевая культура, диалектный текст.

В основе представляемого в данной статье исследования – идея обусловленности процессов порождения речи не только лингвистическими, но и социально-идеологическими системами (Т. ван Дейк, Ж. Деррида, Ю. Кристева, Ж. Лакан, М. Пешё, П. Серию, М. Фуко, Р. Фэрклоу и др). Как следствие, процесс порождения речи стал рассматриваться как результат воплощения говорящим (1) его индивидуального речевого опыта, его представления «о реальных или вымышленных мирах, относительно которых мы уже обладаем большим количеством знаний и убеждений» [1. С. 51] и (2) его знания о типах функционирующих в данном социуме в данный конкретно-исторический период дискурсов [Там же]. Индивидуальный речевой опыт субъекта при таком подходе рассматривается как полидискурсивный.

Социально-идеологические системы задают определенные принципы деятельности человека, обращаясь к нам в своих социальных практиках. Речевая деятельность как одна из форм реализации социальной практики предполагает усвоение и использование социально отработанных принципов развития дискурса, в который он вступает. Обрабатываемая в дискурсе информация организуется как «динамическая подвижная система смыслов, формируемая в координируемых коммуникативных действиях адресантов и адресатов в соответствии с системой их ценностей и интересов и включенных в социальные практики» [2. С. 43]. Социальная природа речевых практик, во-первых, ограничивает дискурсивно интерпретируемую информацию на основании дискурсивной цели; во-вторых, задает правила такой интерпретации.

Цель данной статьи – представить специфику использования стабилизированных институциональными дискурсами речевых форм в практиках внеинституционального общения диалектоносителей.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02043).

В качестве материала использованы записи разговорной речи представителей старшего поколения диалектоносителей, собранные студентами и преподавателями филологического факультета Томского государственного университета во время диалектологических экспедиций (середина XX – начало XXI в.), а также диалектные тексты, размещенные в Национальном корпусе русского языка [9] и опубликованные в сборниках (например, [10]): всего – около 400 текстов, содержащих исследуемые единицы.

Рассмотрим теоретические основания анализа исследуемой специфики.

Содержание дискурса, выраженное в его речевой форме, можно представить в виде его модусно-диктумной структуры. Данное представление ориентируется на заданное Ш. Балли [3] понятие коммуникативной структуры предложения, а также на отечественные концепции В.В. Виноградова, Т.В. Шмелевой, Е.В. Падучевой и др. Проецируя модусно-диктумную когнитивную модель высказывания на содержание социального дискурса, можно соотнести речевую интенционально ориентированную деятельность конкретного говорящего с социально заданной типовой деятельностью типового субъекта социального дискурса (дискурсивной практикой). В ее основе – интенция социального дискурса (дискурсивная интенция) как проявление «дискурсивной власти». В результате в содержании дискурса представляется возможным также выделить объективно-фактологический компонент, составляющий обрабатываемую дискурсом информацию, – дискурсивный диктум – и интенционально обусловленную позицию дискурса по отношению к этой информации – дискурсивный модус.

Дискурсивно заданные смыслы находят выражение в особенностях дискурсивного стиля – заданного субъектной интенцией и дискурсивными правилами комплекса «когнитивных процедур обработки знаний, находящихся соответствующую вербальную реализацию» [4. С. 35]. Принципы вербальной реализации дискурса создают вербальный дискурсивный код, в структуре которого формируются определенные дискурсивно стабилизированные речевые единицы, включенные в систему дискурсивных стилистических ресурсов [5].

Формально-содержательная стабилизация этих единиц отражает социально заданную ценностную позицию типовых для данного социума дискурсов и усваивается говорящим в процессах участия в соответствующих социально-речевых практиках.

Так, обращение к **документам** требует от любого члена социума, во-первых, оперирования информацией определенного типа (дискурс документа накладывает запрет на содержательные смыслы, не поддающиеся документированию, – «любовь», «счастье» и под.). Во-вторых, эта информация конфигурируется особым образом в соответствии с направленностью дискурса документа на институциональное официально-деловое регулирование, осуществляемое на основании внешней регламентации. Представление указанного содержания осуществляется вне учета его индивидуально-личностной значимости для субъекта. Дискурсивная картина мира строится на основании общего дискурсивного модуса официальности – типового модусного смысла дискурса документа, который должен выразить его типовой субъект в любом тексте этого дискурса, направленном на официально-деловое регулирование (т.е. в тексте документа).

Общий дискурсивный модус официальности конкретизируется в модусах **объективности** и **императивности**, которые выражаются в системе конкретно-текстовых средств, используемых в различных документных жанрах.

Принципы кооперативного общения реализуются в данном дискурсе на основании равенства всех его участников перед законом, проявленного в объективированном единстве способов взаимодействия. **Объективность** обеспечивается тем, что во всех дискурсивных практиках не только клиенты дискурса, но и его агенты должны ориентироваться на внешний закон, который не может быть трансформирован в соответствии с ситуативными и личностными условиями. Общая дискурсивная интенция конкретизируется в виде интенции обеспечения равенства всех членов социума перед законом (в широком смысле). Одной из значимых составляющих этого закона является регламентация текстовой формы документа, отражающая обозначенное равенство стандартными речевыми средствами (использование специальных терминов, указание номеров и наименований законодательных актов, ссылки на статьи конституции и другие законодательные тексты и под.).

Еще один аспект конкретизации модуса официальности – модус **императивности**. Общая дискурсивная интенция конкретизируется в виде интенции неукоснительности следования закону. Модус императивности выражается в активном использовании глаголов в форме инфинитива, выполняющих функцию повелительного наклонения (*считать утратившим силу...*), конструкций «модальный глагол долженствования + инфинитив» (*должны учитываться*) и др., в клишированных формах обращения к вышестоящей инстанции (*прошу выдать...; довожу до Вашего сведения...*). Ссылки на закон, приведенные выше в качестве маркеров объективности, одновременно являются показателями императивности документа, оформляя объективный по отношению к субъекту дискурса закон как обязательный для него.

Особым модусным единством обладает и **политический дискурс**. Поскольку в основе организации его когнитивного содержания лежит конкретная идеология, его ценностное содержание конкретизируется в соответствии с определенными политико-идеологическими установками ([6, 7] и др.). Бесконечно открытый в плане расширения своего логико-информационного содержания, политический дискурс последовательно задает модусную ориентацию диктума в соответствии с внутренней политически пристрастной ценностной установкой, представляя любое содержание как политически ангажированное. Подчиняясь этой установке, типовой субъект (агент) политического дискурса обрабатывает любое содержание в соответствии с **идеологически ориентированным эмоционально-оценочным** общим дискурсивным модусом – типовым модусным смыслом, который должен выразить его типовой субъект в любом тексте политического дискурса. Основанием направленности вектора **оценки** является ценностное содержание политического дискурса, конкретизирующееся с позиции определенного политического режима. В результате идеологически обусловленному номинированию – как одному из способов формирования политического дискурсивного кода – подвергаются не только понятия, созданные в рамках данной идеологии, но и понятия, существовавшие вне сферы ее деятельности, но «присваиваемые»

ею в целях идеологизации. Например, в советском политическом дискурсе позитивно-оценочный модус стабилизируется в речевых формах *змполит, коллективизация, комиссар, комсомолец, красный (сущ.), Красная армия, красноармеец, продотряд, пятилетка, советская власть, стахановец, экспроприация экспроприаторов* и др., отрицательно-оценочный – в речевых формах *белогвардеец, белый (сущ.), буржуй (= буржуа), враг народа, вредительство, единоличник, западный империализм, кулак, кулачество, империализм, контрреволюция* и др.

Социальная организация внеинституционального существования человека предполагает наличие у него представлений о стратификации социальных сфер, его социальных практик, в том числе дискурсивных практик. В частности, это проявляется в восприятии институциональных дискурсов с позиции субъекта лично-ориентированного дискурса в качестве авторитетных [8].

Текстовая составляющая лично-ориентированных дискурсов – не регулируемая институциональным порядком дискурса, не ограниченная тематически, не предъявляющая особых требований к говорящему субъекту, ограничивающих его вступление в дискурс, – обладает потенциальной способностью обращения к самым различным дискурсам как источникам ее организации. При этом основанием для обращения к ним является их социальный авторитет. Востребованность источника и характер обращения к нему мотивируются социально. Социальные институты регулируют деятельность субъектов на основании авторитета, поддерживаемого на государственном уровне, что определяет авторитет соответствующих институциональных дискурсов.

Полидискурсивность существования человека обуславливает возможность сохранения институционального авторитета за пределами его институциональной деятельности.

Лично-ориентированная деятельность человека (частью которой является деятельность дискурсивная), свободная от государственного институционального регулирования, допускает возможность не только сохранения социального авторитета институциональных дискурсов, но и его интерпретации: человек в своей внеинституциональной деятельности не только следует институционально заданным принципам существования, проникающим в нее, но и критически их оценивает. Социальный авторитет институциональных дискурсов может быть воспринят как истинный либо как ложный. Вариативность отношения к авторитету определяется его внешним для субъекта лично-ориентированного общения характером (ср.: обращение к власти за поддержкой – критическое отношение к власти как априорно порочной структуре; апелляция к закону при нарушении прав – критика закона при несоблюдении обязанностей и под.).

Такой авторитет объективируется в особых нормах и правилах социальной деятельности, в том числе и дискурсивной, и усваивается субъектом в различных социальных практиках (в том числе речевых). Субъект лично-ориентированного дискурса наделяет социальным авторитетом дискурсы как коммуникативные сферы онтологии этих практик.

Одна из форм экспликации авторитета дискурса – обращение к его речевым формам, в которых стабилизировано модусное содержание дискурса-источника.

Набор используемых говорящим стабилизированных в институциональных дискурсах речевых форм, а также характер их субъектной интерпретации зависят от перечня освоенных речевых практик соответствующих дискурсов-источников и уровня их освоенности, от отношения говорящего к их социальному авторитету, воплощенного в процессе достижения конкретно-ситуативной субъектной цели.

В фокусе внимания – диалектоносите́ль старшего поколения как особый тип субъекта лично́стно-ориентированного дискурса, отличающийся специфическим характером социального существования, определенным набором освоенных социально-речевых практик и особым характером их освоения.

Рассматриваемый тип субъекта мы характеризуем на основании его принадлежности к определенной социально-речевой культуре. Типология речевых культур разработана в исследованиях В.Е. Гольдина, О.Б. Сиротининой, Е.Н. Ширяева и др. ([11–15] и др.). Исследователями выделено 5 типов речевой культуры, определяемых социокультурным статусом говорящего субъекта и характеризующих его в аспекте уровня владения языком. При этом внеинституциональное общение обладает определенной спецификой, не позволяющей учитывать разработанную классификацию речевых культур и, соответственно, тип субъекта дискурса с заданной в ней степенью подробности. С одной стороны, лично́стно-ориентированные дискурсы нивелируют социально-статусное ролевое распределение в единой, индифферентной к нему, позиции субъекта внеинституционального общения, с другой – дискурсы такого типа, свободные от институциональных правил, отличаются многообразием, текучестью, ситуативным характером. Особым обоснованием речевого сближения субъектов различных речевых культур является устность общения. Но различие в характере текстопорождения субъектами различного типа все же отчетливо прослеживается.

В результате в заявленном аспекте мы выделяем два социоречевых типа субъекта лично́стно-ориентированного дискурса. Первый имеет широкий спектр дискурсивного существования и владеет дискурсивными правилами текстопорождения, характерными для широкого круга дискурсов, а также правилами их дифференциации, демонстрирует высокий уровень осознанности текстопорождения и высокий уровень адаптации языка к условиям ситуационного дискурса. Второй слабее реагирует на дискурсивные правила, усвоенные в рамках дискурсивного опыта, слабее дифференцирует их. Рассматриваемый в данной статье говорящий субъект относится ко второму типу, и этим в первую очередь определяются особенности использования им речевых форм институциональных дискурсов.

Субъект первого типа оперирует большим, чем субъект второго типа, количеством освоенных дискурсов и демонстрирует более высокий уровень освоенности их правил. Кроме того, субъект первого типа, имея более отчетливое представление об общей структуре речевой коммуникации, различает области, хорошо освоенные им в процессах полидискурсивного опыта, и области неосвоенные или освоенные слабо. В связи с этим субъект первого типа в процессах лично́стно-ориентированного общения активно привлекает полидискурсивный опыт только из хорошо освоенных областей, полученный им в иной социальной роли (например, в профессиональной, предполагаю-

шей повседневный опыт участия в дискурсе определенной профессии, где он выступает не только как клиент, но и как агент дискурса). Помимо этого, участвуя в дискурсах в позиции клиента, субъект первого типа больше, чем субъект второго типа, уделяет внимания специфике их организации, их форме, имея выработанный в процессах получения образования и социальной деятельности навык освоения дискурса в целом (хорошо владея гносеологическими моделями его освоения).

Особенности интерпретации институциональных речевых форм рассматриваемым типом субъекта выявлены в сравнении со способом их использования в текстах субъекта первого типа, представленных в Национальном корпусе русского языка [9], а также в сборниках разговорной речи (например, [16]).

Не будучи непосредственно включенным во многие практики институционального общения, диалектоноситель – как субъект второго типа – во многих случаях усваивает речевые формы соответствующих институциональных дискурсов опосредованно, т.е. через опосредующие речевые практики (из СМИ, из бытовых разговоров с «осведомленными» – от соседей, взрослых детей и под.). Говорящий слабо дифференцирует функциональные сферы получения речевого опыта. Кроме того, в процессах его усвоения он в меньшей степени, чем субъект первого типа, сосредоточен на дискурсивной обусловленности функционирования языка.

В связи с этим в разговорном общении субъектов разного типа стабилизированные в институциональных дискурсах речевые формы функционируют по-разному.

Субъект первого типа четко дифференцирует разные смысловые сферы, разные коммуникативные сферы, а также дискурсивные правила употребления инодискурсивных речевых форм. Это приводит к тому, что текст, созданный субъектом первого типа, характеризуется значительно меньшим, чем спродуцированный субъектом второго типа, количеством «неловких швов» (по Б.М. Гаспарову [17]), выраженных в дискурсивно-стилистических диссонансах – контекстно-грамматических и контекстно-семантических (полностью их избежать в устной спонтанной речи невозможно).

Рассмотрим модели трансформации модуса дискурса-источника на материале диалектных текстов, включающих инодискурсивные речевые формы, стабилизированные в дискурсе документа и политическом дискурсе.

Дискурсивные условия неофициального общения активно сопротивляются использованию речевых форм **дискурса документа**, особенно обладающих общеупотребительными аналогами. Органичным оказывается их использование только при обращении к особой тематике, активно разработанной и особым образом проинтерпретированной в дискурсе-источнике. При этом модус официальности дискурса-источника имеет выраженную тенденцию к нейтрализации, а истинность авторитета источника, проявленная в специфическом номинировании субъектом дискурсивно значимого диктумного содержания, остается в пресуппозиции. В основном и в этой ситуации личностно-ориентированный дискурс допускает использование речевых единиц, либо не имеющих общеупотребительных аналогов, либо, наоборот, достаточно активно приспособившихся к бытовому употреблению (для сравне-

ния – пример использования речевой формы дискурса документа субъектом первого типа: *В. Пойти погулять с Алешкой хоть часок// (к А.) да/ на всякий случай мне надо взять у тебя сведения когда ты вступала в кооператив (к Г.) Алеш/ ну собирайтесь/ идемте гулять [16].*

В речи диалектоносителя рассматриваемого типа использование речевых форм дискурса документа единично – в соответствии со спецификой речевого опыта (хотя отдельные тексты с их высокой концентрацией встречаются), но обращение к ним имеет выраженные функциональные особенности.

При восприятии социального авторитета дискурса документа как истинного модуса официальности дискурса-источника в большинстве случаев сохраняется и даже имеет тенденцию к активной трансформации и выдвижению. Модусные трансформации содержания источника чаще всего сопровождаются диссонансным положением речевой формы в тексте результирующего дискурса, что является следствием выдвижения этого содержания, с одной стороны, и неполной связанности речевой формы с ее дискурсивно обусловленным содержанием – с другой.

В силу слабой включенности в процессы дискурса документа социальный авторитет источника воспринимается как повышенный (преувеличивается субъектом), а дискурсивно значимое модусно ориентированное диктумное содержание часто предьявляется как источник верификации верного, гармоничного – «правильного» существования. В результате в основании модусной трансформации речевых форм особую активность получает модус императивности источника – как один из аспектов модуса официальности. Для реализации субъектной интенции оценки и убедительности институциональная речевая форма получает оценочность, которая подвергается субъектному выдвижению: *[О нынешней сожительнице сына и бывшей снохе:] Да она лохмошница молчала бы! Такая беда! Чаво Нюська наделала! Напилась в дугу пьяная! Сын говорит ей: «Сматывайся отсель. Чтоб тебе здесь не было, такой поганки!». Ничего не было, никого, вся гола была, когда пришла! Первая-то баба законная жена, она **легистрирована**. Она в каком-то консоколе работает.* «Регистированный брак» в данном тексте предстает как форма «правильного», гармоничного существования, фиксируемая в соответствующей единице при отсутствии общеупотребительных аналогов. Модус императивности источника проходит два этапа трансформации: (1) чтобы достичь гармонии в быту, необходимо брак зарегистрировать; (2) партнер в зарегистрированном браке оценивается выше. В результате стабилизированная в дискурсе-источнике как оценочно нейтральная речевая единица становится носителем позитивно-оценочного модуса, основанного на преобразовании объективно-официального статуса действия в источнике в высокий бытовой статус в дискурсе результирующем, т.е. институциональная значимость его содержания становится основанием для выражения содержания личностно-ориентированного. Диссонансное положение речевой формы источника («неловкость шва» проявляется в нарушении его контекстуально-семантической сочетаемости (*она легистрирована = их брак зарегистрирован*)).

Ориентация на модель «правильного» существования, основанная на восприятии модуса императивности дискурса документа и закрепленная в его речевых формах, повышает активность их использования в позитивнооце-

ночной функции. Реализация оценочного модуса речевыми формами дискурса документа обладает высокой частотностью (в проанализированном материале – приблизительно 73% употреблений).

Косвенным обоснованием активности использования речевых форм дискурса документа в оценочной функции также является «внешний» характер расширения полидискурсивного опыта. В результате формируется пиететное отношение к закрытой для субъекта сфере, что выражается в выдвигании позитивно-оценочного смысла при достижении оценочных целей: *Старшая дочь в **отделе кадров**, сын в Томском, третий сын – **миркировицик** [маркировицик], лес проверяет. Пять человек детей вырастила, выучила!* (СГ¹) // *Одна дочь уехала в Астонию. Сын на **кране** работает. В **населенном пункте**. Все устроены дети* (СГ) // *Муж не дает снохе моейной работать, а уче-на она. Дай бог всем так грамотить, да. Она молода девка, а тута всем не угодишь. А она **фтиринар** была, **врачиха**, значит, **для скота*** (СГ). Использование выделенных речевых форм направлено на маркирование высокого, с точки зрения говорящего, личностного статуса обсуждаемого лица. Оценка проявляется либо через прямое официальное номинирование этого статуса (*миркировицик*, *фтиринар*), либо через номинирование признаков, характеризующих его особое положение как официально обозначенное (*в отделе кадров, на кране, в населенном пункте*).

Высокая активность оценочного модуса, являющегося результатом трансформации модуса официальности источника, может обнаруживаться и при ведущем характере информативной интенции. Рассмотрим текст, представляющий пример особой концентрации речевых форм дискурса документа, в целом не характерной для субъекта рассматриваемого типа: [*О строительстве дома:*] *Блинов у нас был **умный мужик**/ **председатель колхоза** // **научил меня** что ты/ делай **план-смету** // сколько вот этот... **коробка** будет стоить... и всё/ ну и... **согласно** в колхоз я деньги **заносила** // например/ сделали мне/ вон тысячу должна денег/ тысячу иль две там/ полторы или/ вот за эту **коробку**/ я отдавала в **правление**/ **правление рассчитывало под роспись**/ как **ведомость вели**/ **чтобы мало ли**/ **не отказались**/ или там что/ **меня научили в городе** [9]. Ведущая субъектная интенция – информативная. При этом в содержании текста отчетливо проявляется реализация оценочных интенций, дополняющих информативные и отражающих значимость для говорящего официальной фиксации осуществляемых им действий (*умный мужик <...> научил меня, чтобы мало ли/ не отказались <...> меня научили в городе*). Такая установка активизирует использование речевых форм дискурса документа, связанных с той частью его дискурсивных правил, которые субъекту в определенной степени пришлось освоить. Ориентированность на дискурс-источник как инстанцию, обеспечивающую безопасность субъекта в повседневной жизни (следствие осознания истинности его социального авторитета), определяет обращение к его речевым формам для передачи субъектной оценки. Их повышенная концентрация, с одной стороны, и диссонансное употребление (*согласно [в колхоз я деньги] заносила = согласно смете <...>**

¹ СГ – здесь и далее: записи текстов, собранных в рамках экспедиций студентов и сотрудников Томского госуниверситета в районы бытования среднеобских говоров (60–80-е гг. XX в.).

вносила и др.) – с другой, представляют авторитет источника как преувеличенный. Оценка значимости официальной фиксации действий трансформируется в оценку документирования в целом.

Использование речевых форм дискурса документа при восприятии **ложного** характера его социального авторитета практически не фиксируется. Отметим, что для субъекта первого типа результаты такого восприятия социального авторитета источника активно проявляются в осознанных иронических конструкциях (*Б. Днем было совсем не холодно// Нет наверно// (пауза. А. одевается) ты **сепаратно** (иронически) собираешься гулять?* [16]). При использовании иронических стратегий в диалектном тексте рассматриваемые речевые формы не привлекаются.

Таким образом, в текстах диалектоносителя, являющегося субъектом личностно-ориентированного общения второго типа, использование речевых форм дискурса документа имеет тенденцию к модусной сохранности, но в силу неполной, часто «внешней» освоенности их информационного содержания – в смысловой структуре результирующего текста он не растворяется, а, наоборот, регулярно обнаруживает повышенную интенсивность и испытывает активные трансформации. Это проявляется в неосознанном использовании речевых форм дискурса документа для формирования позитивно-оценочного смысла. Ведущую роль в процессах модусной трансформации речевых форм дискурса документа играет модус императивности (один из аспектов модуса официальности) источника, отражающий особое доверие к документу как источнику не столько официально-юридической, сколько этико-социальной гармонии.

В отличие от дискурса документа **политический дискурс** равномерно ориентирован на распространение среди всех его клиентов вне зависимости от типа субъекта. В результате использование его речевых форм субъектом рассматриваемого типа в значительно меньшей степени обусловлено уровнем его освоенности (количеством освоенных речевых форм). Ведущую роль здесь играет фактор сформированности эпистемологических моделей освоения дискурса, обеспечивающий дифференцированность сфер проявления речевого опыта.

С одной стороны, на использование речевых форм политического дискурса значительно меньше, чем на использование речевых форм дискурса документа, влияет специфика речевого опыта, который носит внешний характер для говорящего любого типа, не включенного в политические практики в качестве их агента. С другой стороны, его выраженная оценочная позиция, стабилизированная в речевых формах, активно сопротивляется их оценочно-нейтральному использованию. В связи с этим при использовании субъектом коммуникативного плана лично заинтересованного повествователя, реализующего оценочные интенции по отношению к определенному политическому режиму, идеологический оценочно-ориентированный модус источника получает выдвижение в текстах субъекта любого типа, в том числе и в рассматриваемых диалектных текстах.

Если говорящий согласен с политической позицией, отраженной в стабилизированных речевых формах, оценочный вектор дискурса-источника сохраняется. Активность идеологически ориентированного модуса источника,

обеспеченная принятием истинности его авторитета, наиболее последовательно проявляется в связи с осмыслением говорящим политической деятельности как части собственной социально значимой трудовой биографии, политического статуса – как результата социально полезных трудовых заслуг, получивших достойную оценку (*Я же труженник военный* (вероятнее всего, от «труженник тыла» – официальное наименование государственного статуса, дающего особые социально-экономические привилегии. – И.Т.), *в колхозе всё-о, всю жизнь работала* (СГ) // *Как вспомню свое детство... Мать у меня была **стахановкой** по льну, ее даже в Москву посылали* [10]). В результирующем дискурсе эксплицируется значимый для дискурса-источника диктум (политическая, трудовая активность, получающие вознаграждение) и модус (личностное принятие социальной оценки).

Если говорящий не согласен с политической позицией, выраженной в дискурсе-источнике, характер использования его речевых форм субъектами различного типа получает значительное функциональное различие. Если субъект первого типа последовательно демонстрирует высокий уровень выдвижения его идеологически ориентированного модуса, проявленный в его осознанной аксиологической переориентации (*А потом при развале Советского Союза/ когда всё пошло наперекосяк/ когда/ так сказать/ национальные окраины получили свою независимость... ну/ как-то вот что-то в душе перевернулось. Я почувствовала себя/ например/ осиротевшей/ можно сказать. Потому что всё-таки Советский Союз нас всех объединял – людей разных национальностей* [9]), то рассматриваемый тип субъекта в тестах, направленных на оценку политического режима, значительно более частотно выражает дискурсивное несогласие через нейтрализацию модуса источника: *А мы сами в колхоз не всходили. Мы годов пять, а может, более мы в колхоз не всходили. **Нас драли**, у нас была земля, нам дали по рубежу: у затворничкого, у лятицкого. <...> И все равно взошла. Сперва я взошла, замуж-то вышла – мне усадьба нужна, а то у нас усадьба была двадцать пять соток. Нам не давали: как **единоличники** – нам давали двадцать пять соток* [10]. Отношение к политически значимому содержанию не распространяется на выработанную политическим дискурсом номинацию (*единоличники*) – ее содержание воспринимается как нейтральное (либо «официально-объективное» – вне политической ангажированности). Социальный авторитет, стабилизированный в ней, говорящим признается, но не воспринимается в качестве формы выражения политической оценки.

Рассмотрим еще один текстовый фрагмент выраженной личностно-ориентированной тематики: *Как бедняк сказал, всё. Всё в ясно. Вот он приходить и говорить: «Никихор Яковлич с попом, – говорить, – дружить». Ну, приезжают, там какие тряпки, лохмотки утащили. Чугунок на стол и ложку. Да. <...> Ну и стали жить, стали жить, стали жить. Ну потом начала **кулачества**. Отца **раскулачили, осудили**. С попом дружил. А сейчас сколько их там в Москве, а? И их кормить надо. Кресты вот такие вот до самых колен. А почему же раньше отца осудили за попа? Год дали тюрьмы, **враг народа** был. Это было тут иде-й-то ли в тридцать третьем, втором, вот тут вот иде-й-то. И вот такие-то вот, ребята, было дела. Как начало **кулачество**, в общем, с двадцать пятого началось, ну, в общем, после рево-*

люции, как начали вот это вот громить, как мало-мало чуть-чуть: «Ага, пойдём его заберём» [9].

В целом данный текст носит выраженный оценочный характер, при этом позиция его автора по отношению к коллективизации с позицией официальной советской идеологии (как и в большинстве зафиксированных текстов) не совпадает. Советская идеологическая оппозиция «свой/чужой», внедрение которой предполагает раскол цельного деревенского коллектива, не находит внутреннего подтверждения «снизу», при этом созданные данной идеологией понятия требуют номинации, поэтому рассматриваемые включения употребляются, но в сугубо констатирующей функции. Лексическая речевая форма *бедняк* имеет в советском политическом дискурсе положительно-оценочный модус. Автор рассматриваемого текста имплицитно выражает актуализацию противоположного оценочного полюса в его контекстной семантике. Остальные отмеченные в данном тексте речевые формы политического дискурса (*кулачество*, *враг народа*: в дискурсе-источнике – отрицательнооценочный модус; *раскулачить*: в дискурсе-источнике – обозначение процесса, приводящего к социальной гармонии) утрачивают аксиологическую ориентированность. Так, при использовании характеристики *враг народа* (отметим, что особо значимо употребление этой номинации *дочь* по отношению к *отцу*, с политической оценкой которого она не согласна) в пресуппозиции остается как его содержание, заданное советским политическим дискурсом, так и смена оценочного полюса (характеристика человека как «невинно осужденного»). Речевая форма *враг народа* в приведенном контексте используется для информативной мотивировки описываемой ситуации. Речевая форма *кулачество* используется в первую очередь для обозначения определенного исторического этапа в его бытовом восприятии. Таким образом, в приведенном тексте речевые формы советского политического дискурса *враг народа*, *кулачество* сохраняют только денотативное (диктумное) содержание, политически обусловленное модусное содержание нейтрализуется либо аксиологически переориентируется (*бедняк*). Нейтрализация оценочного модуса источника формируется на противопоставлении его идеологической позиции противоположной оценочной позиции субъекта результирующего дискурса.

Активность нейтрализации модуса источника сохраняется не только в выражено оценочных текстах диалектоносителя, но и в текстах с ведущим характером информативной функции (что совершенно не характерно для текстов субъекта первого типа, четко осознающего выраженную в речевых формах политического дискурса манипулятивную установку). Рассматриваемый тип субъекта, как и в предыдущем случае, игнорирует сопротивление речевых форм политического дискурса оценочно-нейтральному употреблению, используя их как удобную, усвоенную вне политической ориентированности форму номинирования политически значимого диктума: *Теперь ладно. Уж как красные подошли, они помогнули **взять власть в руки**. Колчака тоже расстреляли* (СГ) // *При **царским правительстве** было **неравноправие**. Когда Ленин **возглавил** – **равноправие** стало, **землю делить по ядокам**; раньше **по мужским душам** дялили. Сибирь поглуше. Генералы подобрались и **свергли власть*** (СГ). В данных примерах используются речевые формы политического дискурса, не имеющие общеупотребительных аналогов (*царское прави-*

тельство – негативнооценочное в источнике¹, *делить землю по ядокам / по мужским душам* – противоположная оценочная ориентация в источнике). Наряду с ними в собственно информативной функции употребляются речевые формы, обладающие нейтральными синонимами (*взять власть в руки* = *победить* – в источнике употребляется только при описании действия позитивно оцениваемой политической силы, т.е. стабилизирует позитивный модус, *возглавить* = *стать лидером* – в источнике употребляется при номинировании действия позитивно оцениваемого лидера, *свергнуть власть* = *победить* – в источнике применяется при номинировании действия как негативно, так и позитивно оцениваемой политической силы). Возможность употребления речевых форм, обладающих нейтральными синонимами, в собственно информативной функции обеспечивается презумпцией приятия говорящим стабилизированной в них политической позиции (в контексте это подтверждается сохранением не только диктумного, но и модусного содержания речевых форм *равноправие/неравноправие*) либо ее вариативностью в источнике.

Таким образом, при использовании речевых форм политического дискурса сохранность и активное выдвижение модуса политического дискурса в текстах субъекта рассматриваемого типа проявляется при их прямой направленности на оценку политического режима. Но если субъект первого типа использует такую модель интерпретации модуса источника при любом отношении к нему, то субъект второго типа в основном реализует в подобных моделях только политическое согласие.

Диалектоноситель достаточно часто игнорирует политическую ангажированность содержания речевых форм политического дискурса. При восприятии социального авторитета источника как истинного в текстах собственно информативной направленности политическая ангажированность не эксплицируется говорящими и воспринимается в качестве объективированного («естественного») содержания речевой формы. При восприятии ложного характера социального авторитета источника нейтрализация его модуса используется для проявления политического несогласия.

В целом в диалектном тексте в силу специфики речевого опыта субъекта и характера освоенности гносеологических моделей его реализации содержание речевых форм институциональных дискурсов проявляет, с одной стороны, высокий уровень зависимости от заданного в источнике модусного смысла, а с другой – часто «внешний», неполный характер его восприятия (речевая форма реализуется вне всей полноты ее дискурсивно обусловленного содержания – актуализируются только отдельные его компоненты, в отрыве от остальных). В результате имеют место высокий уровень трансформации и частотность выдвижения модуса источника, а также использование институциональных речевых форм вне зависимости от смысловой обусловленности разговорного общения.

¹ Здесь и далее: результаты анализа контекстной семантики выделенных речевых форм в политически ангажированных текстах советской эпохи – политические документы, периодическая печать, тексты выступлений политических лидеров.

Литература

1. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ.; сост. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
2. Резанова З.И. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс / З.И. Резанова, Л.И. Ермоленкина, Е.А. Костяшина и др.; ред. З.И. Резанова. Томск, 2010. С. 15–84.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Инстр. лит., 1955. 416 с.
4. Leech G. Language in Literature: Style and Foregrounding. Longman Pub Group, 2008. 222 p.
5. Тубалова И.В. Стиль личностно-ориентированных дискурсов как сфера проникновения инодискурсивных стилевых влияний // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2015. № 5 (37). С. 108–123.
6. Бакумова Е.В. Ролевая структура политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 200 с.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
8. Тубалова И.В. Институциональные речевые модели в личностно-ориентированных дискурсах различного типа // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2014. № 5 (31). С. 38–52.
9. Национальный корпус русского языка. URL: // www.ruscorgora.ru
10. Русская деревня в рассказах ее жителей / под ред. Л.Л. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2009. 512 с.
11. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопр. стилистики. Саратов, 1993. Вып. 25. С. 9–19.
12. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Речевая культура // Русский язык: энцикл. М., 1997. С. 413–414.
13. Сиротинина О.Б. Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь. Саратов, 2001. С. 16–28.
14. Сиротинина О.Б. Речевая культура // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, Наука, 2006. С. 343–347.
15. Ширяев Е.Н. Культура речи как лингвистическая дисциплина // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991. Ч. 1. С. 44–61.
16. Русская разговорная речь / отв. ред. Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе. М.: Наука, 1978. 306 с.
17. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: Новое лит. обозрение, 1996. 348 с.

SPEECH FORMS OF OTHER DISCOURSES IN THE PERSONALITY-ORIENTED DIALECT TEXT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 6 (44). 68–82. DOI: 10.17223/19986645/44/5

Inna V. Tubalova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tina09@inbox.ru

Keywords: institutional discourse, personality-oriented discourse, social and speech culture, dialect text.

The purpose of this article is to present the specifics of the use of speech forms stabilized in institutional discourses in the practices of extra-institutional communication of dialect speakers.

Intentional specificity of the discursive picture of the world of institutional discourses is expressed in special forms of speech that receive a stable modus content. The formal and conceptual stabilization of these units reflects the socially determined axiological position of discourses typical for the given society and is adopted by speakers in the processes of participation in relevant social speech practices.

The social organization of human existence outside institutions presupposes that people have ideas about the stratification of social spheres, about social practices, including discursive ones. In particular, this shows when people perceive institutional discourses as authoritative when they act as subjects of personality-oriented discourse. But this authority may be reinterpreted by the subject as true

or false, which results in the preservation, neutralization or transformation of the meaning implied by the source discourse.

The research focuses on the dialect speaker of the older generation as a particular type of subject of personality-oriented discourse, with a specific nature of social existence, a specific set of acquired social speech practices and a special nature of their acquisition.

The set of speech forms stabilized in institutional discourses that the speaker uses, as well as the nature of their subjective interpretation, depends on how many speech practices of relevant source discourses the subject knows and how they have been acquired, on the attitude of the speaker to their social authority embodied in the implementation of concrete situational subjective intentions.

The type of the subject is determined based on their belonging to a particular social and speech culture (the speech culture typology is developed in works by V.E. Goldin, O.B. Sirotinina, E.N. Shiryayev et al.). Personality-oriented communication has two social speech types of subjects. The second type is analyzed. The subject of this type has a low level of differentiation of functional areas of speech experience acquisition. In gaining this experience such a subject is focused on the discursive features of language functioning less than the first type of the subject.

As a result, in the dialect text, due to the specifics of the speech experience of the subject and the nature of the acquisition of epistemological models of its implementation, the content of speech forms of institutional discourses shows, on the one hand, a high level of dependence on the modus meaning set in the source, on the other, often “formal”, incomplete perception of it (a speech form only expresses individual components of its content that a discourse sets, in isolation from others). As a result, there is a high level of transformation and frequent actualization of the modus of the source, as well as the use of institutional forms of speech regardless of the semantic conditionality of colloquial communication.

References

1. Dijk, T.A. van. (1989) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Translated from English. Moscow: Progress.
2. Rezanova, Z.I. (2010) *Diskursivnye kartiny mira* [Discursive images of the world]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Images of the Russian world: modern media discourse]. Tomsk: ID SK-S.
3. Bally, Ch. (1955) *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and the French language questions]. Translated from French. Moscow: Inostrannaya literatura.
4. Leech, G. (2008) *Language in Literature: Style and Foregrounding*. Longman Pub Group.
5. Tubalova, I.V. (2015) The style of personality-oriented discourses as a sphere of stylistic influence of other discourses. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (37). pp. 108–123. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/37/9
6. Bakumova, E.V. (2002) *Rolevaya struktura politicheskogo diskursa* [The role structure of political discourse]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
7. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
8. Tubalova, I.V. (2014) Institutional speech patterns in person-oriented discourses. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (31). pp. 38–52. (In Russian).
9. Russian. National Corpus. (n.d.). [Online] Available from: www.ruscorpora.ru.
10. Kasatkin, L.L. (ed.) (2009) *Russkaya derevnya v rasskazakh ee zhitel'ey* [Russian village in the stories of its inhabitants]. Moscow: AST-PRESS.
11. Gol'din, V.E. & Sirotinina, O.B. (1993) *Vnutrinnatsional'nye rechevye kul'tury i ikh vzaimodeystvie* [Intra-national speech cultures and their interaction]. *Voprosy stilistiki*. 25. pp. 9–19.
12. Gol'din, V.E. & Sirotinina, O.B. (1997) *Rechevaya kul'tura* [Speech culture]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Russkiy yazyk: Entsiklopediya* [Russian language: Encyclopedia]. Moscow: Drofa.
13. Sirotinina, O.B. (2001) *Osnovnye kriterii khoroshey rechi* [The main criteria for a good speech]. In: Kormilitsyna, M.A. & Sirotinina, O.B. (eds) *Khoroshaya rech'* [Good speech]. Saratov: Saratov State University.
14. Sirotinina, O.B. (2006) *Rechevaya kul'tura* [Speech culture]. In: Kozhina, M.N. (ed.) *Stilisticheskii entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Flinta, Nauka.

15. Shiryayev, E.N. (1991) Kul'tura rechi kak lingvisticheskaya distsiplina [Culture of speech as a linguistic discipline]. In: Dmitrieva, O.L. (ed.) *Russkiy yazyk i sovremennost': Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki* [Russian language and the present: Problems and prospects of development of Russian studies]. Vol. 1. Moscow: IRL.
16. Zemskaya, E.A. & Kapanadze, L.A. (eds) (1978) *Russkaya razgovornaya rech'. Teksty* [Russian colloquial speech. Texts]. Moscow: Nauka.
17. Gasparov, B.M. (1996) *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image. Linguistics of language existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.